

художественной литературе. «Обновления сюжета», т. е. выявление и анализ новых фактов, имеющих отношение к огромному массиву литературных текстов на всех языках мира, в которых Россия и русские увиденны сквозь призму интересов, осведомленности и прозорливости различных народов, не прекращаются.

Помещенная далее небольшая подборка частных разысканий и неизданных материалов позволяет несколько расширить и уточнить наши представления о «русской теме» в немецкой, французской, английской и испанской литературах XVIII–XX веков.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-30-36

© М. Ю. КОРЕНЕВА

О РУССКИХ МОТИВАХ В БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВЕ ЖАН ПОЛЯ

Жан Поль (Jean Paul (Richter), 1763–1832) принадлежит к тому поколению немецких писателей, которое было обречено на знакомство с Россией: всеевропейская война, начатая Наполеоном, неизбежно заставляла вглядываться в северного соседа, одного из участников «исторической драмы», разворачивавшейся на глазах у жителей германских земель. Не обошел своим вниманием русскую тему и Жан Поль, хотя она и прочерчена у него пунктиром.

Частные русские мотивы мелькают в письмах Жан Поля к разным корреспондентам на протяжении всей его жизни: то он сравнивает свое послание с длинными монологами из музыкальной драмы «Петр Великий, император Российский» («Peter der Große, Kaiser von Russland», 1780) лейпцигского теолога и поэта-сатирика К. Г. Хемпеля (Christian Gottlob Hempel, 1748–1824);¹ то пересказывает анекдот о Павле I, который якобы «сначала отдает все иностранные книги на перевод, чтобы потом их сжечь»;² то комментирует отступление французской армии из России и, не без сочувствия к французам, говорит об охвативших немецкое общество надеждах на скорую «оккупацию мягкими русскими»;³ то делится своими впечатлениями после прочтения книги математика, физика и астронома, бывшего профессора Дерптского университета И. В. А. Пфаффа (Johann Wilhelm Andreas Pfaff, 1774–1835) «Россия. Замечания немца, который прожил там пять лет» («Russland. Bemerkungen eines Deutschen, der fünf Jahre dort lebte», 1813);⁴ то сообщает о русских солдатах, которым он раздавал хлеб, табак и водку в ноябре 1813 года;⁵ то иронизирует по поводу «энтузиастического» внимания к своей особе со стороны высокого гостя из России — российского генерала герцога

¹ Письмо к И. А. Л. фон Эртелю от 5 декабря 1784 года (*Jean Paul. Sämtliche Werke. Historisch-kritische Ausgabe / Hrsg. von E. Berend. Berlin, 1956. Abt. 3. Bd. 1. S. 133*; далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: SW, с указанием номера отделения, тома и страницы).

² Письмо к К. Отто от 5 декабря 1797 года (SW. Abt. 3. Bd. 3. S. 22). Здесь и далее перевод мой. — М. К.

³ Письмо к К. Отто от декабря 1812 года (SW. Abt. 3. Bd. 6. S. 307).

⁴ Письмо к И. Л. Шрагу от 5 февраля 1813 года (SW. Abt. 3. Bd. 6. S. 22).

⁵ Письмо к К. Отто от ноября 1813 года (SW. Abt. 3. Bd. 6. S. 350).

Александра Вюртембергского (Alexander Friedrich Karl von Württemberg, 1771–1833), который распорядился установить в парке возле своего дворца неподалеку от Байройта камень с памятной надписью: «Жан Полю! Тонкому и возвышенному поэту, самому прекрасному из сынов муз Германии, другу природы и искусства, украшению Германии, гордости Германии!»⁶ Жан Поль принимал у себя и других гостей из России — В. А. Жуковского, посетившего знаменитого «оригинала» летом 1821 года, и братьев Тургеневых, Николая и Александра, побывавших в Байройте в сентябре 1825 года, незадолго до смерти «германского юмориста», как назвал его А. И. Тургенев.⁷ Но встречи эти были непродолжительными, беседы, судя по всему, затрагивали самые общие темы и не оставили следа в памяти Жан Поля — во всяком случае, никаких упоминаний этих визитов в бумагах писателя не обнаруживается. Единственная запись, относящаяся к его русским посетителям, сохранилась в «Памятной книге» писателя, и адресована она «Одному русскому»: «Внутреннее главенствует над внешним. И на холодном Севере бьется пылкое сердце. 14 октября 1817 г.» (SW. Abt. 3. Bd. 7. S. 153). Только одно русское знакомство оказалось значимым для Жан Поля: его встреча с баронессой Ю. Крюденер (Juliane von Krüdener, 1764–1824), женой российского дипломата А. И. Крюденера (1746–1802).⁸

Инициатива исходила от баронессы: 17 августа 1796 года она приехала в Гоф, где в это время жил Жан Поль, и нанесла ему визит, который продолжался около часа. В тот же день Жан Поль сообщил своему близкому другу К. Отто (Christian Otto, 1763–1828): «Утром у меня побывала супруга русского посланника в Дании (Крюденер) и подарила мне столько пьянящей радости, столько трогательного волнения, сколько мне не дарила еще ни одна женщина» (SW. Abt. 3. Bd. 2. S. 231). Крюденер отправила Жан Полю с дороги восторженное письмо, тот сразу отозвался: «Вы появились, словно сон. Вы исчезли, словно сон, и я все еще живу, словно во сне», — писал ей Жан Поль.⁹ В октябре они встречаются снова, в Байройте. «Я два вечера листал ее сердце, — делится своими чувствами Жан Поль в письме к Ф. фон Эртелю (Friedrich von Oertel, 1764–1807) от 22 октября 1796 года, — <...> Я увидел идеальную душу, несмотря на ее самовлюбленность, в которой нет эгоизма, ибо она помогает всем людям, проникаясь чувством, и <...> ради любого проблеска благородства забывает свое „я“. <...> Она покорила мое сердце, я вижу у нее отметины, оставленные светской жизнью, все эти солнечные пятна и веснушки, вижу ее чрезмерное самомнение, ее женские поражения, но я вижу и полет ее пламенного духа».¹⁰ Друзья предостерегают Жан Поля: в Лейпциге и в Веймаре Крюденер произвела не самое благоприятное впечатление своей экзальтированностью и очевидной тягой к знаменитостям. Жан Поль пытается защитить свою новую знакомую от нападок, объясняя, что ее кажущийся эгоизм всего лишь «эгоизм сильных, мягких, филантропических чувств».¹¹ В письмах к Эртелю от конца 1796 — первой половины 1797 года он возвращается к «теме» Крюденер снова и снова, особенно после выхода в свет романа «Юбилейный сеньор» («Jubelseniör», 1797), одну из героинь

⁶ В письме к Г. Фоссу от конца июля 1820 года Жан Поль назвал этот камень с высеченным на нем дифирамбом «надгробной плитой» на своей будущей могиле (SW. Abt. 3. Bd. 8. S. 59).

⁷ Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники 1825–1826 / Изд. подг. М. И. Гиллельсон. М.; Л., 1964. С. 243, 300 (сер. «Литературные памятники»).

⁸ Подробнее см.: Berger D. Jean Paul und Frau von Krüdener im Spiegel ihres Briefwechsels. Wiesbaden, 1957.

⁹ Ibid. S. 235.

¹⁰ Ibid. S. 261.

¹¹ Ibid.

которого — девицу Аманду фон Закенбах — он наделил чертами баронессы и не преминул отметить, что окружающие, болезненно реагируя на «цветы фантазии, рожденные аффектацией» Аманды, принимали ее простое «желание нравиться другим» за «желание завоевывать людей», а ее «парады» — за «зимнюю военную кампанию».¹² Эртель отнес эту мелкую колкость на свой счет, Жан Поль вынужден был оправдываться перед обиженным другом (SW. Abt. 3. Bd. 2. S. 344). Сама баронесса, мечтавшая сделаться героиней одного из романов Жан Поля (на что она ему достаточно прозрачно намекала уже в своем первом письме), этого эпизода не заметила и продолжала слать прочувствованные письма, которые Жан Поль, однако, теперь уже оставлял без ответа. Только по прошествии нескольких лет он счел необходимым отозваться.

В 1804 году Крюденер, собираясь ехать из Франции в Россию, отправила Жан Полю свой только что вышедший в Париже роман «Валери, или Письма Густава де Линара Эрнесту де Г...» («*Valérie, ou Lettres de Gustave de Linar à Ernest de G...*») с просьбой написать рецензию для какого-нибудь немецкого издания, читаемого и в России, поскольку она хотела бы обратить на себя внимание русской публики и особенно Александра I, на сочувственное отношение которого она рассчитывает, намереваясь «добиться свободы крестьян» (SW. Abt. 3. Bd. 4. S. 424); свою просьбу Крюденер сопровождает подробной «инструкцией»: ей хотелось бы, чтобы Жан Поль отметил высокую мораль книги, «ибо она бесспорна», процитировал Сен-Пьера (цитата прилагалась) и сказал об огромном успехе романа во Франции.¹³ Рецензии Жан Поль так и не написал, ограничившись упоминанием «Валери» в «Приготовительной школе эстетики» («*Vorschule der Aesthetik*», 1804), но похвалил роман в письме к Крюденер от 7 июня 1804 года: «Валери указывает Дворам путь к моральному целительному источнику. Франция — большой Двор, но источник, к которому Вы ее подводите, не только поражает блеском, но и дарует исцеление. <...> Смерть Густава — это закат, и на французском языке еще никто так красиво не умирал» (SW. Abt. 3. Bd. 4. S. 298). В том же письме Жан Поль говорит и об Александре I, формулируя то, что найдет свое дальнейшее развитие в его политических сочинениях 1809–1810 годов: «Русский Александр отличается от македонского тем, что он только дает свободу, а не отбирает ее, в то время как Франция, после всех ее завоеваний, так и останется корсиканской. Ваш Александр отличается от того благородного правителя лишь тем, что он продолжает начатое дело, и пусть это отличие будет только усиливаться со временем и сохранится как можно дольше» (SW. Abt. 3. Bd. 4. S. 298). В 1808 году Жан Поль, живущий в Байройте, который с 1806 года находился под французским управлением, пишет «Проповедь мира Германии» («*Friedens-Predigt an Deutschland*»), задуманную, по его словам, как «объявление войны войне». И в том же году откликается на «Речи к немецкой нации» («*Reden an die deutsche Nation*», 1808) И. Г. Фихте (Johann Gottlieb Fichte, 1762–1814), которого обвиняет в «догматическом фанатизме», противопоставляя этому свое видение Европы: он сравнивает Европу с лесом лиан, где духовно сплелись разные народы. «Для земли было бы так же плохо, будь она заселена одними немцами, как если бы их вовсе не было, и ни один народ не заменит другого», — пишет Жан Поль в рецензии на «Речи» Фихте (SW. Abt. 3. Bd. 2. S. 702). В следующем году, в продолжение «Проповеди», он пишет «Сумерки для Германии» («*Dämmerungen für Deutschland*», 1809) и особо останавливается на нынешней и будущей роли России: «Что

¹² *Jean Paul. Der Jubelseniör. Ein Appendix. Leipzig, 1797. S. 224.*

¹³ См.: *Де Бройн Г. Жизнь Жан-Поля Фридриха Рихтера / Пер. Е. Кацевой // Писатели о писателях. М., 1986. С. 237.*

касается России, этого двойника Европы, этого огромного магнита, север которого по обыкновению стремится к югу, то она поднялась с нижней ступени развития на гораздо более высокую, возвысившись над усмирённой Турцией, и продолжает свое восхождение (особенно при благоприятном водительстве своих правителей) с такою легкостью, что в будущем ее победы не грозят поглощением культуры, но будут способствовать ее восприятию и распространению».¹⁴ Примечательно, что Жан Поль, который первым ввел в немецкую литературу мотив двойничества (в романе «Зибенкэз» («Blumen-Frucht- und Dornenstücke, oder Ehestand, Tod und Hochzeit des Armen-Advocaten Siebenkäs», 1796)), использует для обозначения России неологизм «Doppel-Europa», отсылающий к географическим масштабам страны и одновременно актуализирующий слитно-раздельное равновесие культур в контексте культурно-политических сдвигов внутри Европы, которая для Жан Поля уже немислима без России. О том, что образованный немецкий читатель XIX века воспринимал этот неологизм именно в значении «двойника Европы», свидетельствует развитие данного мотива в книге Э. Рудольфи «Тридцать лет в России» («Dreißig Jahre in Russland», 1845).¹⁵ Не менее важен в данном случае и образ магнита, который обыгрывается Жан Полем в «Полиметрах», задуманных как вступление к «Сумеркам»: в финале аллегорического посвящения Фридриху Карлу (Carl Friedrich, 1783–1853) и великой княгине Марии Павловне (1786–1859), герцогу и герцогине Саксен-Веймар-Эйзенахским, Жан Поль сравнивает этот союз с «зеркальными покоями», в которых отражается красота, и говорит о «немецких скипетрах, которые обращаются к Северу подобно чуткой магнитной стрелке» (SW. Abt. 3. Bd. 6. S. 69), подчеркивая не только тягу России к Европе, но и Европы к России. Текст этой аллегории Жан Поль отправил 17 ноября 1809 года Фридриху Карлу и Марии Павловне с просьбой разрешить назвать их имена, при этом каждому из них он написал свое, отдельное, письмо. Фридриху Карлу он напомнил об их давнем знакомстве (они познакомились в 1798 году) и попытался раскрыть смысл своего посвящения: «Посвящать „Сумерки Германии“ немецкому князю означает посвящать ему надежды, имея в виду при этом лишь предрассветные сумерки, которые растворяются в занимающемся дне» (SW. Abt. 3. Bd. 6. S. 71). В письме к Марии Павловне он дал своеобразный комментарий к посылаемой аллегории, который не столько прояснял ее, сколько умножал аллегоризм: Жан Поль пересказал свой «сон», который послужил импульсом к написанию посвящения. В этом «сне» Мария Павловна предстала перед ним Авророй, которой он, простой смертный, преподносит свои «Сумерки», она же, в гневе, отвергает подношение, ибо «брат ее — бог света Аполлон», «дело же сочинителя разгонять сумерки, а не увековечивать их» (SW. Abt. 3. Bd. 6. S. 72). Сами образы, конечно, не отличались особой оригинальностью, — сравнение правительниц с Авророй, а правителей с Аполлоном уже давно стало поэтическим штампом, но в сочетании с названием книги и в контексте происходящих событий в Европе они обретали новые оттенки, а обращение к форме «сна» придавало всему посланию некоторую доверительность. И тем не менее и Фридрих Карл, и Мария Павловна вежливо отказались принять посвящение,¹⁶ которое было опубликовано год спустя в «Продолжении сумерек» («Nachdämmerungen», 1810) без указания адресатов, — Жан Полю ничего не оставалось, как зашифровать свое послание анонимной формулой «Ему

¹⁴ Jean Paul. Dämmerungen für Deutschland. Tübingen, 1809. S. 184–185.

¹⁵ Rudolphi E. Dreißig Jahre in Russland. Zürich, 1845. Bd. 1. S. XII.

¹⁶ Spazier R. O. Jean Paul Richter: Ein biographischer Kommentar zu dessen Werken. Leipzig, 1840. S. 79.

и Ей». В пояснении к посвящению, однако, он счел необходимым объяснить, почему ему так важно это обращение к «высоким особам», и повторил то, что писал Фридриху Карлу о «надеждах».¹⁷

Жан Поль не был ни пламенным патриотом-галлофобом, ни франкофилом, ни русофилом, ни последовательным пацифистом, в его сочинениях, написанных в годы наполеоновских войн, есть всего понемногу. В самом начале 1814 года, еще до заключения Парижского мирного договора, состоявшегося 18/30 мая, он издает небольшой текст, названный им «Марс и Феб, смена тронов в 1814 году» («Mars und Phöbus, Thronwechsel im Jahr 1814»). Насыщенный прозрачными иносказаниями, обыгрывающими образ бога света и его «прототипа», российского императора, благодаря которому, как говорилось здесь, над Европой «разлилось северное сияние»,¹⁸ этот текст был написан не ради сиюминутной лести «царю-освободителю», но ради выражения очередных надежд на обновление Европы и подведения своеобразных итогов прошедшей войны, пробудившей, как считал Жан Поль, дух объединяющего космополитизма. «История не знает другой такой космополитичной войны, — писал Жан Поль в предисловии, — которая объединила бы правителей и народы почти целой части света не ради завоеваний, а ради возрождения свободы и ради самих завоеванных <...> когда моральная сила идей, уравновешивая силу оружия, ведет к одной единой цели. Разве бывало такое, чтобы покоренные народы и правители поднимались, взрастая наперекор всем бурям? Разве не являлись собой немецкие троны могильные памятники прошлому, под тяжелыми плитами которых была похоронена распятая свобода, вставшая из гроба, чтобы разогнать кладбищенских стражников и разослать по всему свету своих апостолов?»¹⁹

Собственное будущее Жан Поля в новой политической ситуации выглядело не столь радужным: с 1809 до конца 1813 года он получал содержание от К. Т. фон Дальберга (Carl Theodor von Dalberg, 1744–1817), князя-примаса и президента основанного при Наполеоне Рейнского союза (1806–1814).²⁰ Теперь же эта финансовая помощь перестала поступать, и Жан Поль обращается за поддержкой к Александру I. 22 апреля 1814 года, когда война еще формально не окончена, Жан Поль отправляет российскому императору письмо, в котором называет его «добрым гением войны», превратившимся ныне в «бога — покровителя мира», в «европейского судью» (SW. Abt. 3. Bd. 6. S. 373), и сообщает о том, что хотел бы преподнести «освободителю» маленькую «книжицу» — «Марса и Феба». Уже в первых строках Жан Поль говорит о своем бедственном материальном положении и далее переходит к пространной комплиментарной части, в которой среди прочего говорится: «Я возлагаю надежды на сердце и дух Александра <...>. Я обращаюсь к Его сердцу, ибо благодетельному Провидению было угодно в наш век эгоизма возвести на высочайший европейский Престол человеколюбие. Я обращаюсь к духу Его, каковой защищает умы и не нуждается в том, чтобы увеличивать свою Империю, но намеревается увеличить огромное, беспредельное царство наук и даровать Северу, имеющему по географическому положению своему самые долгие дни, еще более продолжительные умственные дни. Я обращаюсь к Тому, чей скипетр подобен магниту, что притягивает к себе любовь и одновременно научает видеть все стороны света» (SW. Abt. 3. Bd. 6. S. 374). В заключение Жан Поль желает долгого благоденствия монарху и созданной

¹⁷ Ibid.

¹⁸ *Jean Paul*. Mars und Phöbus, Thronwechsel im Jahr 1814. Tübingen, 1814. S. 50.

¹⁹ Ibid. S. VIII–IX.

²⁰ Дальберг назначил Жан Полю содержание в размере 1000 талеров в год. Об обстоятельствах получения этого пансиона см. подробнее: *Spazier R. O.* Jean Paul Richter. S. 79–81.

им «единственной <...> универсальной монархии, в основание которой положена любовь и которая пришла на смену монархии ненавидящей и ненавистной» (SW. Abt. 3. Bd. 6. S. 374). При всей этикетной выспренности этого текста и его прагматической направленности, пожелание созвучно тому, что Жан Поль писал и в «Проповеди мира», и в «Сумерках», и в «Марсе и Фебе», не только по системе образов, но и по мысли.

Это письмо, судя по всему, не дошло до адресата. Жан Поль несколько раз справляется о своем деле у влиятельного издателя И. Ф. Котты (Johann Friedrich Cotta, 1764–1832), который взял на себя роль посредника. В августе писатель решает повторить свою просьбу: пользуясь присутствием в Байройте великой княгини Екатерины Павловны (1788–1819), остановившейся здесь ненадолго по дороге на Венский конгресс, Жан Поль 13 августа обратился к ней с просьбой передать его послание Александру I и приложил копию своего письма (SW. Abt. 3. Bd. 6. S. 394–395). Не получив и на этот раз ответа, писатель предпринял еще одну попытку, отправив И. Ф. Котте 9 февраля 1815 года сокращенный вариант письма, который был вручен затем князю П. М. Волконскому (1776–1852) (SW. Abt. 3. Bd. 7. S. 335),²¹ присутствовавшему на Венском конгрессе и входившему в ближайшее окружение Александра I. Все эти хлопоты, однако, не увенчались успехом. В декабре 1815 года Жан Поль получил известие о том, что король Баварский готов взять его на содержание. Материальные трудности, таким образом, разрешились, и необходимость русской поддержки отпала сама собой.²²

Этот небольшой эпизод никак не повлиял на отношение Жан Поля к Александру I, к которому он продолжал питать неизменное почтение, о чем свидетельствуют его письма к разным корреспондентам. Восторженно-почтительное отношение писателя к российскому монарху сохранялось до 1819 года — до того момента, когда стало ясно, что надеждам на долгое благоденствие «универсальной монархии любви» и процветание свобод сбыться не суждено. Эти надежды улетучились после принятия «Карлсбадских решений», утвержденных на конгрессе представителей германских государств (6–31 августа 1819 года) и направленных в первую очередь против немецких университетов и свободы печати. Основанием для введения подобных жестких мер послужила «Записка о нынешнем положении Германии. Ноябрь 1818», составленная российским дипломатом А. С. Стурдзой (1791–1854).²³ В тогдашней Германии считалось, что этот политический донос был написан по прямому поручению Александра I. Прочитав «Записку» Стурдзы в «Europäischen Annalen»,²⁴ Жан Поль тут же написал К. Отто: «Вот тебе омерзительно-плоский Стурдза, которого из-за одних только пассажей на с. 19 и 24 следовало бы выбросить,

²¹ Именно этот сокращенный вариант был воспроизведен впоследствии, вместе с переводом на русский язык, в «Записках» А. И. Михайловского-Данилевского (1789–1848), автора первой официальной истории войны 1812 года; предваряя текст письма, Михайловский-Данилевский особо отметил, что сочинения Жан Поля «отличаются необыкновенной оригинальностью мыслей и выражений» (см.: *Михайловский-Данилевский А. И.* Записки 1814 и 1815 годов. СПб., 1832. С. 332–333).

²² *Spazier R. O.* Jean Paul Richter. S. 110–111.

²³ *Стурдза А. С.* Записка о нынешнем положении Германии. Ноябрь 1818 / [Пер. Е. Э. Ляминой] // Россия / Russia. 1999. Вып. 3 [11]: Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII — начало XX века. С. 146–157. Подробнее об обстоятельствах, предшествовавших появлению этой «Записки», см.: «Письмо к барону де М<ериану> о состоянии умов Германии» С. И. Тургенева (Материалы к истории русско-европейской политической жизни 1810-х годов) / Публ., вступ. статья и пер. Е. О. Ларионовой; прим. М. Ю. Кореневой // Французские и франкоязычные рукописи в России (XVIII — начало XX в.) / Под ред. Е. Е. Дмитриевой. М., 2019. С. 212–327.

²⁴ *Europäische Annalen.* 1819. № 1. S. 3–29.

только не в печь, а в отхожее место» (SW. Abt. 3. Bd. 7. S. 244).²⁵ Вскоре после этого Жан Поль решает довести до конца начатый еще в 1811 году роман «Комета, или Николаус Маргграф. Комическая история» («Der Komet, oder Nikolaus Marggraf. Eine komische Geschichte»), отдельные сцены которого, как сообщает автор в предисловии, навеяны «Карлсбадскими решениями», принятыми благодаря одному «доносчику».²⁶ К числу таких сцен относится глава «Великий магнетический пир маршала-путешественника Ворбле» — карикатура на Венский конгресс: здесь описывается трапеза, устроенная в ресторане «Город Вена» умельцем-магнетизером, сумевшим внушить своим гостям, будто перед ними на столе богатые угощения — «московитская говядина, паштет из раков» и проч. По окончании этого «гастрономического конгресса» («Esskongress») все «народы» встают из-за стола с пустыми желудками, хотя и вполне довольные оказанным им приемом.²⁷ Тут же действует и «ясновидящая», способная передавать всякому магнетизеру мысли на расстоянии, — образ, прочитывавшийся современниками и без авторских пояснений как пародия на баронессу Крюденер, которая уже давно стала проповедницей идей «духовидца» Юнга-Штиллинга (Johann Heinrich Jung-Stilling, 1740–1817) и, по слухам, доходившим до Жана Поля, оказывала на Александра I значительное влияние. Так замкнулся круг русских мотивов в этом романе, ставшем последним в жизни писателя.

²⁵ На странице 19 говорилось о необходимости передать теологическое образование в ведение церковных ведомств, на странице 24 — о необходимости ограничить свободу печати.

²⁶ Jean Paul. Sämtliche Werke. Berlin, 1842. Bd. 28. S. 8–9.

²⁷ Ibid. S. 50–71.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-36-41

© П. Р. ЗАБОРОВ

Н. И. ГРЕЧ И «REVUE ENCYCLOPÉDIQUE»

С января 1819 года в Париже начал выходить новый журнал — «Revue encyclopédique, ou Analyses et annonces raisonnées des productions les plus remarquables dans la littérature, les sciences et les arts».¹ Состав редакционной коллегии при этом не указывался, сообщалось лишь, что ими являлись члены Института, т. е. высшего научного учреждения Франции, и «другие литераторы».² Между тем ни для кого не являлось секретом, что основателем издания и его главным редактором, его душой, был Марк-Антуан Жюльен де Пари (Marc-Antoine Jullien de Paris, 1775–1848). Видный участник Французской революции, сподвижник Робеспьера; не последний человек и в годы Империи, хотя отношение к нему Наполеона было весьма неровным; в эпоху Реставрации он, убежденный либерал, непосредственного участия в политической жизни не принимал: главным его делом являлись в это время публици-

¹ См.: Des Granges Ch.-M. La presse littéraire sous la Restauration. 1815–1830. Paris, 1907. P. 81–84.

² На титульном листе указателя-рописи журнала за десять лет (1819–1829) сведения эти были несколько уточнены: сообщалось, что в издании участвовало «большое число членов Французского института, ученых, публицистов, литераторов, французских и иностранных». См.: Table décennale de la «Revue encyclopédique», ou Répertoire général des matières contenues dans les quarante premiers volumes de ce recueil <...> mis en ordre et rédigé par P.-A.-M. Miger. Paris, 1831.